

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В. С. НЕРСЕЯНЦ О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ЗАКОНА*

Владик Сумбатович Нерсесянц (1938–2005), доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии наук, представляет плеяду советских, а затем российских ученых-юристов, труды которых составили сокровищницу отечественной юриспруденции.

В 1961 г. В. С. Нерсесянц окончил юридический факультет Московского университета и в 1965 г. в том же учебном заведении защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Марксова критика гегелевской философии права в период перехода К. Маркса к материализму и коммунизму». С 1970 г. научная деятельность В. С. Нерсесянца была связана с Институтом государства и права АН СССР (РАН), где он работал сначала старшим, затем ведущим научным сотрудником и где в 1975 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретация». В 1980–2005 гг. В. С. Нерсесянц возглавлял сектор истории государства, права и политических учений, а с 1992 г. – Центр теории и истории права и государства ИГП РАН.

Научное наследие В. С. Нерсесянца включает около 400 работ, среди которых – 16 индивидуальных монографий и учебники, в том числе «Гегелевская философия права: история и современность» (М., 1974), «Сократ» (М., 1977), «Политические учения Древней Греции» (М., 1979), «Право и закон» (М., 1983); «Платон» (М., 1984); «Право в системе социальной регуляции» (М., 1986); «Наш путь к праву. От социализма к цивилизму» (М., 1992); «Право – математика свободы» (М., 1996); «Философия права Гегеля» (М., 1998); «Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме» (М., 2001) и др. Неоднократно переиздававшиеся произведения «История политических и правовых учений» (М. 1994), «Философия права» (М., 1997) и «Общая теория права и государства» (М., 1999) входят в число базовых учебников для подготовки юристов в современной России. Сборники стихов В. С. Нерсесянца «На перекрестках безвременья» (М., 1990) и «Настроения» (М., 1996) отразили внутренний мир ученого и являются неотъемлемой частью его творческого наследия¹.

В середине 1970-х гг. в научных изысканиях В. С. Нерсесянца начали определяться контуры либертарной концепции права, которая не вписывалась в легистское понимание права, предложенное А. Я. Вышинским еще в 1930-е гг. Первые попытки В. С. Нерсесянца изложить собственную концепцию соотношения права и закона были предприняты в статье «Право и закон: их различие и соотношение», которая в начале 1977 г. была направлена в редакцию журнала «Советское государство и право» и получила отрицательные отзывы рецензентов. И только в начале 1979 г. ученому удалось представить основные положения формирую-

* Публикация подготовлена в рамках реализации научного проекта РФФИ № 18-011-00329 «Юридическое источниковедение: теория, методология и методика изучения носителей государственно-правовой информации».

¹ Лапаева В. В. Нерсесянц Владик Сумбатович // Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий: в 4 т. М., 2015. Т. 4. С. 181–182.

шейся теории на круглом столе «О понимании советского права», который был проведен журналом «Советское государство и право».

Концепция различения права и закона, предложенная В. С. Нерсесянцем, подверглась массивной и жесткой критике; звучали даже абсурдные обвинения в том, что ученый «призывает граждан не исполнять неправоновые законы, подрывая таким образом социалистическую законность, уважение граждан к закону и т. п.». И лишь после выхода в 1983 г. в издательстве «Наука» монографии В. С. Нерсесянца «Право и закон», в которой соотношение права и закона прослеживается на основе проработки политико-правовой мысли прошлого, данная проблема вышла на уровень обсуждения. А в конце 1983 г. В. С. Нерсесянц получил возможность опубликовать в журнале «Советское государство и право» (№ 10) статью «Право: многообразие определений и единство понятия»¹.

В данном выпуске «Юридического наследия» публикуется текст упомянутого выше выступления В. С. Нерсесянца на круглом столе «О понимании советского права».

*Публикацию подготовил Сергей Владимирович Кодан,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: tgp@usla.ru*

Список литературы

Лапаева В. В. Либертарная концепция правопонимания В. С. Нерсесянца (К 70-летию со дня рождения) // Государство и право. 2008. № 10.

Лапаева В. В. Нерсесянц Владик Сумбатович // Правовая наука и юридическая идеология в России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий: в 4 т. М., 2015. Т. 4.

¹ *Лапаева В. В.* Либертарная концепция правопонимания В. С. Нерсесянца (К 70-летию со дня рождения) // Государство и право. 2008. № 10. С. 69–77.

**Нерсисянц В. С. Выступление на заседании круглого стола
«О понимании советского права» //
Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72***

Для дальнейшего совершенствования как общего определения права, так и понимания советского права важное значение имеют различение и соотношение права и закона, учет диалектических взаимосвязей свободы, права и закона (законодательства). Понятие «свобода» диаметрально противоположно понятиям «произвол», «своеволие», «насилие» и тесно связано с понятиями «право», «правопорядок», «законность» и т. д. В условиях государственно-организованного общества свобода возможна и действительна лишь как право, имеющее законную силу. Маркс подчеркивал, что «юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона». Поэтому «действительный закон» (в противоположность злоупотреблению формой закона, произволу в форме закона) он характеризовал как «законодательное признание свободы...», как «выражение права»¹.

В условиях взаимосоответствия свободы, права и закона законной силой обладает лишь норма, представляющая собой меру свободы. Ценность права как раз и состоит в том, что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту. Эта свобода (и, разумеется, соответствующая мера свободы), согласно марксизму, обусловлена тем или иным уровнем исторического развития, господствующим способом производства и носит социально-классовый характер. Отвергая идеалистический и антиисторический подход к проблемам свободы, права и закона и высмеивая иллюзорное представление о том, «будто закон основывается на воле, и притом на оторванной от своей реальной основы, *свободной воле...*», Маркс и Энгельс в адрес сторонников подобных воззрений критически замечали: «Точно так же и право в свою очередь сводят затем к закону»².

Право формируется обществом, всей совокупностью общественных отношений, а не изобретается законодателем. «Законодатель же, – подчеркивал Маркс, – должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений»³. Фактический процесс правообразования (формирования норм права) не следует смешивать с формальным процессом законотворчества (с официальным признанием и формулированием норм права в качестве норм закона, с приданием нормам права законной силы). Правообразование – это процесс фактического складывания и признания тех или иных общественных отношений и взаимосвязей людей и их объединений в качестве «нормальных» и «правильных» (с точки зрения господствующих в данном обществе материальных жизненных отношений и соответствующих им идей, ценностей и т. п.), процесс социально-исторического формирования общих критериев, правил, масштабов, моделей, образцов и стандартов этой «нормальности» и «правильности» и, в конечном счете, их кристаллизация в соответствующие нормы поведения, действия и взаимоотношения людей. При-

* В тексте сохранены орфография, пунктуация оригинала и курсив автора.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 62.

² Маркс И., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 63.

³ Маркс И., Энгельс Ф. Соч., т. 1. С. 162.

чем общий, а не разовый, индивидуальный характер правовых норм, их социальная значимость, которую не следует смешивать со специальной (властно-принудительной) общеобязательностью норм закона, обусловлены и предопределены их общественной, социально-классовой природой.

Правовые нормы, социально-исторически складывающиеся в процессе проявления, функционирования и внешнего оформления данного способа производства, представляют собой первичный прототип, арсенал и источник для последующих официальных нормативных формулировок, для норм законодательства. В социальном мире, как и в мире физическом, – при всей их громадной специфике, подлежащей учету, – те или иные формулировки (принципы, законы, положения, схемы, модели, нормы) именно потому являются реальным и эффективным инструментом, средством овладения действительностью, что соответствуют ее внутренним закономерностям и структурам (в том числе нормативно значимым), подразумевают законосообразность связей реальности и учитывают их.

В хронологическом (и генетическом) плане в принципе возможны следующие варианты соотношения процессов правообразования (формирования норм права) и законотворчества (формулирования норм законодательства): 1) правообразование предшествует законотворчеству; 2) законотворчество (в той или иной своей части) предшествует правообразованию (в этом случае законодательство само может стать одним из важных факторов процесса правообразования); 3) сочетание (в той или иной пропорции и взаимосвязи) элементов и моментов обоих вариантов.

Не останавливаясь подробно на особенностях указанных вариантов, отметим, что во всех случаях и из всех реально имеющих правовых норм законной силой обладают лишь те, которые получили соответствующее официальное (государственное) признание и защиту, благодаря чему стали общеобязательными. Следует также иметь в виду, что в условиях развитого правопорядка и законности нормы права (как социально-исторически обусловленные нормы, меры и формы свободы) в своей основной массе официально признаны в той или иной форме и обладают законной силой – силой норм законодательства. Иначе говоря, с точки зрения их законной силы, различие между этими нормами права и нормами законодательства снято. Причем важно не только то, что правовой норме официально придано новое качество (официальная сила) и право стало законным, но и то, что в данном случае взаимосоответствия права и закона мы имеем дело с правовым законом (с законом по существу, а не по названию, с содержательной характеристикой закона как официальной формы выражения права и свободы, а не только лишь с формальной трактовкой закона как акта соответствующего органа).

Вместе с тем снятие различий между правом и законом на уровне придания законной силы норме права не означает их отождествления, поскольку сохраняются другие уровни и аспекты их сопоставления (как сущности и явления, содержания и формы и т. д.).

Творческая роль закона и в то же время его социальная ценность, регулятивная значимость состоят в адекватном, ясном и определенном формулировании в виде норм законодательства уже сложившихся или явно складывающихся (здесь уместен и учет тенденций дальнейшего развития) форм и норм права (мер свободы). Путем официального санкционирования такого рода объективно складывающимся нормам (нормативно значимым формам общественных отношений и т. д.) придается общеобязательный характер. Закон (законодательство) игра-

ет активную творческую роль не только в тех случаях, когда законодательство, предшествуя процессу правообразования, становится одним из существенных факторов данного процесса, но, несомненно, и тогда, когда речь идет об официальном признании уже в определенной степени сложившихся норм. И в этом случае законодательство – не пассивная регистрация наличных норм, а активный творческий процесс (анализ на основе науки, учета общественного мнения и т. д. нормативных аспектов действительности, тенденций их развития, отбор надлежащей нормы, ее точная формулировка, придание ей соответствующей законной силы, определение сферы ее действия, места в системе законодательства и т. д.). В результате этого, как и во всяком творчестве, появляется нечто новое – новые нормы законодательства, благодаря чему нормы права (меры свободы) получают официальное признание и приобретают всеобщий и общеобязательный характер.

Взаимосвязь свободы, права и закона недостаточно исследована в нашей литературе. В 20–30-х годах в связи с анализом проблем сущности права, общего определения его понятия освещались и некоторые аспекты соотношения права и закона. Но в последующие годы эта проблематика оказалась вне поля зрения советских исследователей: принятое в конце 30-х годов определение права по сути дела под правом имело в виду законодательство. С критикой данного определения права неоднократно выступали многие ученые в советской и зарубежной социалистической литературе. При всем различии их позиций приверженцы более «широкой» концепции права видят главный недостаток ныне господствующего в литературе определения права в его «узконормативном» характере. Для преодоления этого недостатка предлагается включить в понятие права наряду с нормами также и правоотношения (С. Ф. Кечекьян, А. А. Пионтковский), правоотношение и правосознание (Я. Ф. Миколенко), субъективное право (Л. С. Явич). Эти и другие схожие предложения продиктованы интересами дальнейшего развития социалистической теории права, повышения практической действительности законодательства, его реализации, усиления юридических гарантий прав и свобод личности, расширения профиля общеметодологических исследований в правовой науке.

Отмеченную важную и актуальную проблематику, на наш взгляд, плодотворнее обсуждать в перспективе различения права и закона. Поэтому, отдавая должное научной и практической значимости усилий приверженцев «широкой» концепции права, мы вместе с тем полагаем, что с точки зрения соотношения права и закона их полемика против сторонников распространенного ныне определения права носит непринципиальный характер. И те, и другие по сути дела в своих теоретических построениях остаются в рамках законодательства. Те элементы, которые наряду с нормой права сторонники «широкой» концепции предлагают включить в понятие права (правоотношение, правосознание и субъективное право), являются в их конструкциях производными от нормы права, под которой имеется в виду норма законодательства. Кроме того, очевидна логическая несостоятельность перечисления в определении права наряду с нормой производных от нее явлений и признаков.

На наш взгляд, правовая норма, правовое отношение, правовое сознание и т. д. взаимно коррелятивны, подразумевают друг друга. Следовательно, неверным было бы трактовать одни из таких явлений (например, правовое отношение, правовое сознание) как следствие и производное от другого правового явления (например, правовой нормы).

Соотношение права и закона рассматривается сторонниками распространенного правопонимания лишь в плане характеристики закона как одной из внешних форм, или «юридических источников», права. Разумеется, и это различие – важный аспект соотношения права и закона, но он не исчерпывает всей богатой и многогранной проблематики и их взаимосвязи и соотношения. Более полный учет взаимосвязей свободы, права и закона будет содействовать преодолению волюнтаристских представлений о праве, обогащению трактовки права как социальной ценности и дальнейшему углублению понимания права как системы норм (мер) свободы, которые объективно обусловлены соответствующим способом производства и приобретают законную силу посредством их официального признания.